ЕЛЕНА ЛАДИНА

РЕПЕТИЦИЯ *Без* ВОЗВРАЩЕНИЯ

Елена Ладина

Репетиция без возвращения

«Автор»
2026

Ладина Е.

Репетиция без возвращения / Е. Ладина — «Автор», 2026

После четырнадцати лет брака пианистка Лидия Орехова и певец Матвей Багрянцев живут отдельно. Но общий гастрольный договор никуда не делся: впереди шесть недель, восемь концертов и музыка, в которой они до сих пор понимают друг друга с полувзгляда.Когда близость начинает возвращаться, Лидию приглашают в Москву с сольной программой. Чтобы подготовиться к своему вечеру, ей придётся пропустить два последних концерта тура. Матвею нужен другой пианист. Лидии — смелость услышать собственное желание и выдержать то, что без неё тоже можно сыграть.Роман о любви после развода, работе, которую нельзя отдать другому, и второй попытке быть вместе, не возвращаясь в прежнюю жизнь.

© Ладина Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Две подписи 5
Глава 2. То, что поместилось 8
Глава 3. Чужие тетради 11
Глава 4. Первый зал 14
Глава 5. На полшага раньше 17
Глава 6. Утро после удачи 20
Глава 7. Свободное окно 23
Глава 8. Другая партия 27
Глава 9. Музейный вечер 29
Глава 10. Не их музыка 32
Глава 11. До утра 35
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Елена Ладина
Репетиция без возвращения

Глава 1. Две подписи

На первой странице договора стояла фамилия Матвея, а Лидину Римма вписала от руки на полях. Чернила ещё блестели. Лидия положила сумку с нотами на соседний стул и, прежде чем снять плащ, перевернула лист.

— Это твой экземпляр? — спросила она.

— Нет, это испорченный. Твой внизу. Я проверяла, как они вас поставили на афише.

Римма вынула из стопки другой договор. Здесь было правильно: Орехова Лидия Павловна, фортепиано. Отдельный гонорар, отдельная подпись. Лидия почувствовала раздражение на себя — она успела испугаться фамилии на полях, хотя пришла обсуждать шесть недель работы, а не выяснять, существует ли на бумаге.

В кабинете пахло нагретым пластиком. На подоконнике стоял принтер, и Римма то и дело прикладывала ладонь к его боку, словно проверяла температуру у ребёнка. За тонкой стеной играли гамму. На верхней ноте каждый раз оказывалось слишком много усилия; Лидия ловила себя на том, что ждёт этой ноты и невольно поднимает плечи.

— Сначала календарь, — сказала Римма. — Потом деньги. Потом всё, о чём вы решили мне не говорить по телефону.

Лидия сняла плащ. Подкладка зацепилась за браслет часов, пришлось освобождать её обеими руками. Матвей должен был прийти через полчаса: Римма специально назначила им разное время, объяснив это отдельными договорами. Лидия была ей благодарна и одновременно злилась, что её жизнь теперь требовала таких маленьких предосторожностей.

С двадцать второго сентября до второго ноября. Восемь основных вечеров, ещё четыре дневных встречи с учениками, дни переездов и свободные окна. Нижний Новгород, небольшие города поблизости, Чебоксары, возвращение в Казань на три дня, затем Ульяновск, Тольятти и Самара. Лидия провела пальцем по последним числам. Дома её ждали занятия, за которые теперь платили по отдельности, после каждого урока. Большая сумма за тур позволяла внести аренду вперёд и не брать по вечерам всех, кто хотел научиться играть любимую песню к юбилею.

— Номера отдельные, — сказала она.

— Уже.

— Во всех гостиницах.

— Лида, у меня список. Два одноместных. Там, где их нет, два двухместных на одного. Никого подселять не буду.

Римма повернула к ней экран. Напротив каждой фамилии стояли свои даты. Это было даже неловко — смотреть, как человек доказывает ей существование двух кроватей в разных комнатах.

— Я не сомневаюсь в тебе.

— Тогда не проверяй то, что я уже сделала. Лучше посмотри часы на репетиции. В Чебоксарах мало, я добиваюсь ещё утра.

Лидия наклонилась к таблице. Здесь она могла помочь. В одном городе между приездом и настройкой рояля оставалось сорок минут; в другом репетицию поставили после детского хора, и никто не знал, когда тот освободит сцену. Лидия отметила оба места. Римма достала карандаш, обгрызенный с одного конца, и записала, не перебивая. От этого становилось легче: у каждой из них были дела, которые другая не обязана была угадывать.

— А если понадобится замена? — спросила Лидия, дойдя до предпоследней страницы.

Римма посмотрела на неё поверх очков.

— Ты уже хочешь отказаться?

— Я читаю договор.

— Тогда читай: согласование состава, письменное изменение, расходы обсуждаем отдельно. Там нет пункта, что я могу прислать тебе вместо Матвея любого баритона. И ты вместо себя никого просто так не ставишь. Мы продаём конкретную программу с конкретными людьми.

— Я понимаю.

— Я тоже понимаю, почему ты спрашиваешь.

Лидия подняла глаза.

— Нет, — сказала Римма после паузы. — Не понимаю. Извини. Последние полгода мне кажется, что я заранее знаю, чего люди боятся, а потом выясняется, что я даже не туда смотрела.

Она сняла очки, потёрла переносицу. Рукав сдвинулся, и Лидия заметила на сгибе её локтя светлый след от пластыря. Римма всегда приезжала раньше всех и уходила, когда оставалось только запереть дверь; невозможно было представить, что утром она могла сдавать кровь или сидеть с номерком у чужого кабинета. Лидия не стала спрашивать. Подвинула к ней стакан с водой, который мешал разложить календарь, и получила короткий благодарный кивок.

Они дошли до денег. Сумма была меньше той, что Лидия рассчитывала получить за идеальные шесть недель, и больше той, что ей обещала собственная осень. Римма сразу сказала, какие расходы оплачены, а какие придётся покрывать из суточных. Никаких внезапных такси за счёт организатора, никаких гостей в номере, которых потом внесут в общий счёт. Лидия слушала и думала о своей кухне, где стол приходилось отодвигать, чтобы открыть холодильник. В старой квартире между стеной и роялем хватало места пройти вдвоём. Она не собиралась возвращаться туда ради прохода.

— Мне нужно знать ещё одно, — сказала Римма. — Вы сможете не делать из сцены продолжение того, что у вас дома?

— У нас нет дома.

Фраза вышла резче, чем хотелось. За стеной перестали играть. В наступившей тишине было слышно, как принтер втягивает последний лист.

— Общего, — добавила Лидия. — Мы сможем работать.

Римма кивнула. Не пожалела, не начала вспоминать, какая они были пара. Лидия подписала нижнюю строку, поставила дату и только после этого заметила, что ручка принадлежит Матвею. Тёмно-зелёный корпус, стёртая полоска у зажима. Он оставлял её на всех столах, а потом спрашивал, не видела ли Лида. Римма могла получить эту ручку когда угодно за последние десять лет. Вещи жили дольше обстоятельств, при которых попали в чужие руки.

В коридоре хлопнула входная дверь. Матвей поздоровался с кем-то низким, осторожным голосом: перед работой он старался не говорить громко. Лидия узнала его по двум словам и этому усилию сдержаться. Она положила ручку на стол, выровняла листы, хотя те и без того лежали ровно.

— Я рано? — спросил он с порога.

Пальто он держал на сгибе локтя. От дождя потемнели волосы у висков, и это сделало его непривычно молодым. Или просто напомнило то время, когда они ещё ездили репетировать на трамвае и вечно забывали один зонт на двоих.

— Как раз, — ответила Римма. — Лидия всё подписала. Тебе осталось прочитать то, что я тебе присылала трижды.

Он посмотрел на Лидию. Она сказала «здравствуй», он ответил тем же. Девять месяцев после развода, а короткое приветствие всё ещё приходилось придумывать заново.

— Пойду в класс, — сказала Лидия.

— Третий свободен. Ключ у вахтёра, — отозвалась Римма. — И не начинайте без меня: сначала десять минут на программу, потом можете играть до вечера.

Лидия вышла с сумкой и своим договором. Вахтёрша дала ей ключ с большой деревянной биркой. В третьем классе рояль стоял боком к окну; крышка была закрыта, на пюпитре лежала забытая ученическая тетрадь. Лидия перенесла её на стол, открыла инструмент и села, не снимая часов.

На среднем регистре одна клавиша возвращалась медленнее соседних. Она несколько раз нажала её, прислушалась, потом перестала. Инструмент не был виноват, что ей хотелось найти хотя бы одну причину отложить начало.

В сумке лежал старый том Шумана. Между страницами сохранилась узкая полоска бумаги, когда-то оторванная от гостиничного бланка. Матвей написал на ней время поезда и обвёл цифры дважды. Они тогда опаздывали, она сердилась, что он назначил встречу после концерта, и всё же успела купить ему еду в дорогу. Лидия вынула полоску и положила в боковой карман сумки. Выбрасывать её сейчас было бы отдельным поступком, которого она не хотела совершать.

Когда вошли Матвей с Риммой, ноты уже стояли на пюпитре.

Римма изложила порядок: цикл целиком, короткий антракт, второе отделение без длинных разговоров со сцены. В двух залах попросили несколько слов о музыке — не лекцию, не пересказ каждого текста. Матвей привычно согласился говорить сам. Лидия ощутила слабое движение возражения и пропустила его. Она не любила представлять программу. Это было правдой. Не всякое разделение, удобное Матвею, оттого становилось несправедливым.

— Выйдете вместе, — сказала Римма. — Представят обоих. И поклон общий. Это я отдельно внесу в письмо.

Матвей удивлённо поднял брови.

— Мы всегда вместе кланялись.

— Значит, ничего нового тебе учить не надо.

Лидия опустила руки на колени. Римма не вкладывала в слова насмешки; она просто снимала вопрос, который не собиралась обсуждать. Матвей подошёл к роялю, положил свою папку на свободный край и спросил, готова ли Лидия.

Она могла ответить: нет. Готова к музыке — да, к этому знакомому весу его присутствия справа — не вполне. Но он ждал не объяснения. Лидия кивнула и взяла вступление.

Первую фразу он спел мягче, чем на их последнем выступлении. Тогда голос казался ей упрямым и закрытым, будто Матвей спорил с ней даже там, где от него требовалось услышать тишину. Сейчас он оставил место окончанию фортепианной мысли. Лидия не спешила. Он дождался её, и следующая фраза получилась такой естественной, что она забыла о Римме у стены.

Они остановились только после третьей песни. Матвей с лёгким удивлением выдохнул, отвёл руку от рояля.

— Вот, — сказал он. — Я знал.

Лидия смотрела в ноты. На полях возле знакомого места стояла её старая пометка: «не торопить». Она сделала её в тот год, когда они ещё не были женаты.

— Что знал? — спросила она.

— Что мы это не потеряли.

Римма тихо закрыла за собой дверь. Лидия слышала, как удалялись её шаги, и могла бы сказать, что удачная репетиция ничего не обещает. Нужно было сказать именно теперь, пока всё было так хорошо. Вместо этого она перелистнула страницу и ответила:

— Давай дальше.

Глава 2. То, что поместилось

В пятницу перед отъездом Лидия пошла за туфлями в квартиру Матвея. Можно было попросить его привезти их на вокзал, но тогда пришлось бы объяснять, где стоит нужная коробка. Он, скорее всего, нашёл бы другую пару. За четырнадцать лет брака так и не запомнил, в каких туфлях она играет, а в каких только выходит к гостям; Лидия сама создала эту путаницу, не позволяя трогать её вещи, и всё равно обижалась, когда он их не различал.

Она позвонила в дверь, хотя старый ключ лежал дома в чашке с мелочью. Матвей открыл почти сразу. На нём была выцветшая серая футболка, которую она помнила ещё новой, и домашние брюки. Он отступил, оставляя ей место, но не предложил тапочки. Раньше она знала, где они стоят. Теперь не знала, вправе ли открыть шкаф.

— Я ненадолго, — сказала Лидия.

— Коробки в комнате. Я ничего не переставлял.

Это оказалось неправдой. Кресло, у которого раньше стояла её лампа, Матвей передвинул к окну; на низкой полке вместо папок с нотами появились две колонки. Лидия оглядела комнату и почувствовала странное облегчение. Он жил здесь. Не ждал её в законсервированном несчастье, не сохранял пыль на её месте как доказательство верности.

Коробки стояли в шкафу одна на другой. На нижней она когда-то написала карандашом «сцена». Лидия достала туфли, проверила набойки, провела пальцем по ремешку. Левая застёжка была тугой. В дороге лучше обойтись без новой обуви: ноги помнили эту подошву, педаль не требовала отдельного внимания.

Матвей остановился в дверях.

— Чай будешь?

— Нет, спасибо.

Он кивнул, но не ушёл. Ей хотелось, чтобы он перестал смотреть, как она складывает собственные туфли в пакет. В прошлый раз вещи собирали торопливо и зло. Она забрала зимнее пальто, ноутбук, книги, чашку с тонкой ручкой, которую все считали неудобной. Не взяла половину нот — не потому, что оставляла повод вернуться, а потому, что тогда была уверена: ещё две поездки, и всё закончится. Потом каждое возвращение требовало усилия, которое проще было отложить.

— Я могу коробки собрать, — сказал Матвей. — Что осталось.

— Не надо пока.

— Ты всё время говоришь «пока».

Лидия выпрямилась.

— В моей квартире нет места. Я куплю стеллаж после тура и заберу. Если мешает, скажи.

— Не мешает.

От этого простого ответа стало больнее, чем от упрёка. Она хотела, чтобы её отсутствие наконец обрело ясный порядок: вещи мешали или не мешали, ключ требовалось вернуть или можно было ещё не думать о нём. Матвей же стоял перед ней в старой футболке, и всё было одновременно решено и не доведено до конца.

На пюпитре рояля лежал тот же Шуман, но другой экземпляр. Матвей купил его уже после развода. Лидия подошла ближе и увидела цветные закладки; раньше закладки расставляла она. Он заметил её взгляд.

— Нашёл издание с крупным шрифтом.

— Удобно?

— Да. Только страницы неудачно переворачиваются.

Лидия чуть не объяснила, как сделать копию разворота. Уже открыла рот, потом закрыла. Он мог догадаться сам или спросить. Матвей наклонился над партитурой и прижал рукой корешок.

— Ты на репетиции играла иначе, — сказал он.

— Где?

— В третьей. И после последней фразы второй. Раньше было мягче.

— Раньше было быстрее.

— Не только. Ты оставляешь больше воздуха.

Лидия посмотрела на него. Это было верное наблюдение, и ей хотелось услышать продолжение. Она последние месяцы перестала торопиться там, где Матвей обычно искал опору в немедленном ответе фортепиано. Не назло ему: без его ежедневного присутствия музыка постепенно перестала быть разговором, в котором она заранее знала чужую реплику.

— Тебе неудобно? — спросила она.

— Нет. Наоборот.

Он сказал это без попытки приблизиться, и Лидия впервые за весь визит смогла отпустить ручки пакета. Поставила его на пол. Матвей ушёл на кухню, вернулся с двумя стаканами воды. Она взяла один, хотя пить не хотела.

— Как у тебя с учениками? — спросил он.

— На шесть недель передала Свете. Двух она не возьмёт, у неё вечером занято, они подождут.

— Ты стала больше преподавать?

— Да.

— Тебе нравится?

Лидия повернула стакан в ладонях. Он спрашивал без снисхождения, но ей всё равно послышалось, что он ищет для неё занятие на время отсутствия настоящей работы.

— Иногда. Есть девочка, которая три месяца боялась играть громче. Вчера сыграла так, что соседка постучала.

Матвей улыбнулся краем рта, но Лидия не стала поддерживать улыбку. Дело было не в соседке. Она хотела рассказать, как девочка перестала убирать руки после каждой ошибки, однако поняла, что для этого придётся остаться дольше. Отложила стакан.

— Мне пора.

Он проводил её до двери. Пакет шуршал у колена, и Лидия думала, что можно было взять тканевую сумку — звук казался неприлично громким в квартире, где они оба старались говорить осторожно.

— Лида, — сказал Матвей, когда она уже взялась за ручку. — Я рад, что ты согласилась.

— Мне нужна работа.

— Я знаю. Но всё равно рад.

Она кивнула. На лестнице пахло жареным луком. За соседней дверью ребёнок настойчиво просил открыть ему банку, и чей-то усталый голос отвечал, что сейчас руки заняты. Лидия вдруг вспомнила, как когда-то они с Матвеем слушали эти звуки и решали, что в своей квартире будут тише. Будто семейная жизнь определялась громкостью, а не тем, на что человек отвечал словом «потом».

Дома она поставила туфли под стол. Съёмная квартира находилась на шестом этаже, окна выходили во двор, где вечерами парковались так плотно, что свет фар медленно проходил по потолку. Хозяйка разрешила привезти цифровое пианино, но просила не крепить ничего к стенам. Лидия сначала расстроилась из-за запрета на полки, потом привыкла складывать ноты в пластиковые ящики. Это выглядело временно, и временность помогала не считать, сколько месяцев уже прошло.

Она разложила на кровати вещи для поездки: два концертных костюма, повседневные брюки, свитеры, бельё, маленький дорожный утюг. Матвей всегда говорил, что утюг можно попросить в гостинице. Лидия однажды попросила и получила прибор, оставивший бурый след на белой блузке. Теперь носила лишний килограмм сама. Ей нравилась эта ясная зависимость: неудобство принадлежало ей, зато и решение тоже.

Телефон зазвонил, когда она сворачивала чёрный жакет. Звонила Елена Сергеевна, у которой Лидия училась после консерватории на коротких курсах. Они не виделись почти год. Преподавательница всё ещё начинала разговор так, будто предыдущий закончился вчера.

— Ты играешь Брамса?

— Иногда.

— «Иногда» — это когда? Вчера, в прошлом году или в голове?

Лидия села на край кровати.

— Сто восемнадцатый. Первые две и шестую. И Шуберта вернула.

— Какую сонату?

— Ля мажор, небольшую.

— D шестьсот шестьдесят четыре. Хорошо. А запись есть?

Лидия посмотрела на пианино у стены. Запись была, но не та, которую хотелось посылать: слышно, как в соседнем подъезде сверлят, и в средней части она дважды потеряла нужное движение. Она записывала себя для работы, а не для людей, решающих, достойна ли она сцены без чужого имени наверху.

— Могу сделать после возвращения.

— Когда возвращаешься?

— В начале ноября. Мы едем по Волге.

На другом конце ненадолго замолчали.

— Вы?

— С Матвеем. Это гастроли, Елена Сергеевна.

— Я поняла. Пришли до отъезда то, что есть. Не для конкурса. Я хочу послушать.

Лидия согласилась и тут же пожалела. Теперь запись, прежде бывшая разговором с собой, должна была выдержать чужое внимание. Она открыла файл, прослушала начало в наушниках. На цифровом инструменте всё звучало ровнее, чем было сыграно. Даже там, где она пыталась оставить вопрос, получалось аккуратное завершение. Хотелось удалить запись и заодно сказать преподавательнице, что ничего не сохранилось.

Вместо этого Лидия написала несколько строк: домашняя работа, инструмент электронный, окончательный порядок пьес ещё не выбран. Стерла последнее объяснение. Елена Сергеевна не просила готовую программу. Отправила файл и положила телефон экраном вниз.

Потом долго сидела рядом с открытым чемоданом. В комнате было тихо, только в наушниках, оставленных на покрывале, едва слышно продолжал звучать её собственный Брамс. Она потянулась, выключила запись. Ей предстояло шесть недель музыки, которую она знала лучше своей новой квартиры. Другая музыка оставалась здесь, в тёмной комнате, среди вещей, не поместившихся в чемодан.

Лидия достала тонкую папку с сольными нотами и положила поверх жакета. Чемодан после этого закрывался хуже. Она села на край крышки, застегнула молнию и проверила ещё раз, не зажата ли ткань.

Глава 3. Чужие тетради

Утром в субботу пришлось открыть чемодан снова. В кармане сольной папки осталась тетрадь ученицы, которую нужно было передать Свете. Лидия вытащила её, положила на стол вместе с остальными и стала перечитывать последние задания.

В десять пришла Ирина, взрослая ученица, которую Света не могла взять из-за времени. Работала в магазине, меняла смены и приходила то утром, то почти перед сном. За лето они встретились всего семь раз. Лидия собиралась оставить ей короткий самостоятельный план на полтора месяца, но Ирина принесла другую просьбу.

— Мне бы вот это разобрать.

Она достала из сумки несколько распечатанных страниц. Лидия посмотрела: ноты для начинающих, знакомая простая мелодия в неудобном переложении. На листе не было имени автора обработки, партии были разбросаны так, что человеку с Ириной подготовкой предстояло всё время прыгать глазами.

— Где нашли?

— В интернете. Мне дочь прислала.

Ирина сняла кольца и положила их рядом с телефоном. Раньше снимала только одно, потом заметила, что второе стучит по клавише.

— У неё день рождения в октябре. Я хочу сыграть. У неё дома инструмент, от свекрови остался.

— Ты же не собиралась выступать.

— Я и не собираюсь. Там свои будут.

Лидия устроила страницы на пюпитре. Сыграла первые такты, остановилась. В таком виде они потратят всю оставшуюся встречу на то, что можно было изложить гораздо яснее. Ей хотелось отложить листы и вернуться к упражнению, которое давалось Ирине трудно, но наконец начало получаться. Тогда за время отъезда она бы закрепила навык, а не разучивала наугад чужую песню.

— Можно я попробую? — спросила Ирина.

Лидия уступила место. Та долго искала начало, потом сыграла мелодию правой рукой, медленно, глядя то на бумагу, то на клавиатуру. После каждой ноты забирала руку к себе, будто горячую. Лидия коснулась её запястья.

— Оставь здесь. Тебе не нужно каждый раз заново подходить.

Ирина повторила, дошла дальше. На простом месте ошиблась, выругалась шёпотом и виновато посмотрела на преподавательницу.

— Ничего. Ещё раз от начала фразы.

В третий раз остановилась сама.

— Вы думаете, я не успею?

— Целиком так, как здесь написано, будет трудно.

— Я не спрашиваю, как написано. Может, мне только правой?

Лидия хотела объяснить, что одна мелодия звучит бедно. Потом представила дочь Ирины, слушающую мать за старым домашним пианино. Едва ли та будет оценивать полноту фактуры. Всё же отступить от собственной программы оказалось неприятно. На следующем уроке они должны были перейти к соединению рук; Ирина и без того слишком часто отказывалась от левой, говоря, что у неё нет на неё головы.

— Давай оставим мелодию и несколько опор в левой. Не всё, что здесь.

Она взяла чистый лист, выписала небольшую часть. Ирина смотрела внимательно, просила не ставить слишком мелкие цифры. Лидия сделала цифры крупнее. Потом обнаружила, что оставила слишком широкий переход, зачеркнула и переписала. Пришлось самой сыграть

несколько раз, убирая то, что рукам опытного человека казалось естественным, а Ирину заставляло останавливаться.

— Так совсем другая стала, — сказала ученица, когда Лидия показала получившееся.

— Узнаётся?

— Да. Только я так не смогу.

— Попробуй начало.

Сначала играли по очереди: Лидия мелодию, Ирина редкие нижние звуки. Потом поменялись. Когда соединили, правая рука опять убежала от левой. Ирина засмеялась коротко, почти сердито.

— Она у меня на работу раньше приходит.

Лидия попросила поставить обе ладони на колени и просто пропеть движение. Ирина отказалась наотрез. Петь при ком-то было хуже, чем играть. Тогда простучали. Столик качался, чашка дребезжала; Лидия убрала её на подоконник. Отсутствие нот и клавиш неожиданно помогло. Ирина услышала, что левой не нужно поспевать за каждым звуком.

К концу урока сыграли небольшой кусок вместе. Не чисто, с остановкой, зато Ирина сама нашла продолжение, когда ошиблась. Лидия отметила на листе место, до которого можно выучить за неделю. Остальное предложила разобрать по коротким видео, если у неё получится прислать запись.

Сказала и сразу начала мысленно искать свободные вечера в туре. Ирина кивала, уже убирая листы, а Лидия поняла, что только что пообещала неограниченную работу между концертами.

— Подожди. Видео смогу посмотреть одно в неделю. Короткое. Отвечу не в тот же день.

— Мне и не надо в тот же. Я после смены иногда неделю к нему не подхожу.

Они выбрали два фрагмента для первых записей. Лидия написала условия в тетради так, чтобы и сама не забыла, о чём договорились. Ирина спросила, нужно ли платить отдельно. Лидия назвала небольшую сумму за две проверки, Ирина внесла её вместе с сегодняшним уроком.

У двери ученица задержалась.

— Я хочу, чтобы дочь не знала заранее. Если не получится, просто чай попьём.

— Скажи потом, как прошло.

— Скажу. А вы не думайте, что я навсегда бросаю наше. Я после дня рождения вернусь.

Когда дверь закрылась, Лидия посмотрела на оставшиеся упражнения. Ей было досадно, что их опять отложили. В то же время за целый час Ирина ни разу не посмотрела на часы. Она наконец готовила то, что собиралась кому-то сыграть, а не очередное задание для следующего занятия.

Света пришла после обеда. Села на кухне, не снимая лёгкой куртки: у неё оставалось полчаса между делами. Лидия выложила тетради, объяснила, кто что успел, и показала последние сообщения родителей.

— У Даши важнее сейчас не сбить то, что получилось, — сказала она. — Я ей долго собирала руки. Она начинает бояться, если темп выше.

Света открыла тетрадь. На странице было много карандашных стрелок и несколько аккуратно зачёркнутых дат.

— Что у неё целиком готово?

— Смотря что считать готовым.

— То, что можно попросить сыграть и не вмешиваться.

Лидия назвала маленькую пьесу, пройденную ещё весной. Света перелистнула назад, нашла её и поставила закладку.

— С неё начну.

— Она её уже забыла.

— Посмотрим.

Света не спорила. Взяла следующую тетрадь, уточнила телефон матери мальчика, которому нужен был другой инструмент. Лидия всё ещё думала о Даше и объясняла слишком подробно. Как будто передавала Свете не ученицу на шесть недель, а доказательство, что её собственная работа была необходима.

— Ты мне всё не передашь, — сказала Света наконец. — Я у них спрошу. И посмотрю сама.

— Знаю. Просто не хочется начинать заново после возвращения.

— Может, не придётся.

Они разложили тетради по дням. Двое оставались без обычных занятий; для Ирины Лидия посмотрит короткие записи. Света сразу сказала, что дополнительные вечера брать не будет: у неё свои ученики, а после ухода сына из дома она наконец записалась в бассейн и не собиралась его отменять.

Лидия удивилась, что именно бассейн та назвала последним, почти вызывающе. Ничего не сказала. Дописала в расписании два пустых места и отдала лист.

— Про оплату я сама с ними, да? — уточнила Света.

— Конечно. Они тебе за твои уроки.

— Хорошо. А то одна мама спрашивала, через тебя ли переводить.

— Я напишу всем ещё раз.

После её ухода Лидия отправила общее организационное сообщение родителям. Потом отдельно Ирине: какой фрагмент записать первым, сколько минут, куда прислать. Пальцы устали от маленькой клавиатуры. Она закрыла переписку и увидела письмо Елены Сергеевны: файл получен, послушает, когда освободится.

Ни похвалы, ни замечаний пока не было. Лидия перечитала две строки и перестала обновлять почту.

Чемодан ещё стоял раскрытым. Она убрала сольную папку на прежнее место, а рядом положила небольшой чистый блокнот для рабочих записей в дороге. В комнате остались только её ноты: чужие тетради унесла Света. Лидия села к инструменту и впервые за день выбрала, с чего начать, не подстраивая первые такты под человека на соседнем стуле.

Глава 4. Первый зал

В Нижнем Новгороде их встретил человек с табличкой, на которой была одна фамилия — Багрянцев. Он сразу взял у Матвея чемодан и спросил, хорошо ли доехали. Лидия подняла свою сумку повыше, чтобы не задеть ею мокрое колесо, и пошла следом. Возмущаться табличкой после дороги не хотелось. Она знала: человек мог получить фамилию по телефону и записать ту, которую расслышал. Но знала и то, как охотно сама принимала такие объяснения, лишь бы не начинать день с неприятного разговора.

— У нас двое исполнителей, — сказал Матвей, обернувшись. — Лидия Орехова. Фортепиано.

Встречавший смутился, протянул руку к её чемодану. Лидия сказала, что справится, и сразу поняла, как это прозвучало. Он ни в чём не был виноват. По дороге к машине она спросила, далеко ли зал, и мужчина с заметным облегчением начал рассказывать про ремонт на соседней улице.

Матвей сел впереди. Лидия осталась сзади, рядом с чехлом его костюма. За окном текли длинные полосы дождя; сквозь них город казался ближе, чем был, дома возникали почти у стекла. Она не бывала здесь с прошлого тура. Тогда они остановились в другой гостинице, и Матвей потерял карточку от номера ещё до первого выхода. Лидия помнила, как сердилась на него, но не могла вспомнить, из-за чего они помирились. Наверное, ни из-за чего. Легли рядом, утром торопились, и обида сама заняла меньше места.

В гостинице им выдали две карточки в двух конвертах. Матвей отдал Лидии её документы и на секунду задержал пальцы на краю обложки. Она почувствовала это прикосновение сквозь кожу паспорта, как будто он коснулся руки, и разозлилась на собственную восприимчивость. Он просто проверял, её ли документ.

— В четыре внизу? — спросил он.

— В половине четвёртого. Мне надо раньше к инструменту.

— Тогда я тоже.

— Тебе не обязательно.

— Я знаю.

Лидия поднялась в номер. Окно выходило на стену соседнего дома, зато в комнате было тепло и можно было открыть чемодан на отдельной подставке, а не на полу. Она повесила концертную одежду, достала сольную папку и сразу убрала её в ящик стола. До выступления оставалось слишком мало времени, чтобы заниматься другой музыкой, и достаточно, чтобы начать о ней думать.

Зал находился в здании бывшего клуба. Новая краска не скрывала старых дверей, тяжёлых и неровных; одна закрывалась только после толчка плечом. На сцене стоял небольшой рояль, возле которого настройщик складывал инструменты в потёртый чемоданчик. Лидия подождала, пока он закончит, и попросила оставить крышку открытой на короткой подпорке.

— Здесь голос не тонет? — спросил Матвей из середины зала.

— Пока не знаю.

Она сыграла несколько аккордов, не громко. Звук был сухой, быстро уходил в мягкие кресла. В пустом зале это ещё ничего не означало: вечером придут люди, и акустика станет другой. Лидия прошла по клавиатуре, проверила педали, затем сыграла начало цикла. Матвей поднялся на сцену и вступил, не дожидаясь приглашения.

На первых словах она услышала, что он торопится. Не сильно — ровно настолько, чтобы голос перестал доверять пространству и начал подталкивать его. Лидия не потянулась следом. Он оборвал фразу.

— Мне кажется, здесь надо собраннее.

— Попробуй послушать конец фортепиано. Тебе из-за рояля кажется, что всё пусто.

— Я слышу.

— Тогда спой ещё раз.

Он посмотрел на неё. В прежней жизни такое короткое требование могло начать спор: кто кого учит, почему она говорит так, будто он ученик. Сейчас Матвей просто отступил на полшага и начал снова. Лидия успела заметить собственное облегчение и сразу пожалела, что обычное согласие с рабочей просьбой кажется подарком.

Во второй раз стало лучше. Он не заполнил паузу, и из зала донёсся скрип двери. Лидия вздрогнула, но не остановилась. Кто-то вошёл, сел в конце, слушал. Матвей после последней ноты посмотрел туда, ожидая оценки, и Лидия увидела, как его лицо меняется, когда оценки нет. В этих маленьких залах ему было труднее, чем на большой сцене. Здесь каждый кашель принадлежал отдельному человеку, каждый неподвижный взгляд можно было принять за недовольство.

Заведующая залом, невысокая женщина по имени Нина Андреевна, принесла воду и попросила проверить афишу. Лидия прочитала своё имя. Оно стояло ниже, но не терялось; слово «фортепиано» было напечатано тем же шрифтом, что «баритон». Матвей спросил, сколько продано билетов. Нина Андреевна назвала число, чуть помедлила и добавила, что ещё придут преподаватели со студентами.

— Хорошо, — сказал Матвей слишком быстро.

Лидия почувствовала знакомое желание успокоить его. Сказать, что для буднего вечера это много, что зал небольшой, что люди придут именно слушать. Всё это могло оказаться правдой, но ему требовалась не правда, а её уверенность. Она открыла ноты на следующей песне.

— Давай пройдём переход, где ты вчера задержал дыхание.

Он подошёл к роялю, и разговор о билетах закончился.

Перед концертом они сидели в разных концах маленькой артистической. Матвей молчал, прикрыв глаза. Лидия переобувалась, зацепив пяткой край стула. На стене висело зеркало, в котором отражался только верх её головы: стул был слишком низким, зеркало слишком высоко. Она встала, поправила волосы. В свои тридцать девять она уже знала, при каком освещении выглядит уставшей, и старалась не изучать лицо перед выходом. Лучше проверять вещи, которые можно исправить: застёжку, воротник, чистоту линз.

— Ты волнуешься? — спросил Матвей.

— Да.

— Из-за чего?

Лидия повернулась. Он действительно хотел знать. Раньше они редко задавали друг другу этот вопрос — волнение считалось общей погодой, по которой опытный человек сам понимал, когда лучше молчать.

— Давно не играла цикл целиком на публике.

— Ты же его знаешь.

— Именно.

Он не понял или сделал вид, что не понял. Лидия не стала объяснять, как трудно бывает войти в давно знакомую музыку и не обнаружить, что всё её живое место занято прежними привычками. Она взяла папку и встала.

Их объявили обоих. Матвей протянул руку, пропуская её первой, но Лидия качнула головой: идти к роялю через него было неудобно. Они вышли рядом. Свет ослепил на мгновение, затем стало видно первые ряды — женщина с закрытой программкой на коленях, молодой мужчина у прохода, девочка в слишком нарядной блузке. Лидия села и отрегулировала банкетку. Несколько секунд на собственную высоту, на расстояние до клавиш. Никто не имел права торопить её сейчас.

Вступление получилось тише, чем на репетиции. Матвей услышал это и не попытался компенсировать. Лидия не смотрела на него, но чувствовала, как он держит корпус, где собирается вдохнуть, какой жест будет лишним. Эта близость сохранилась в теле. Она могла месяцами не знать, что он ест на ужин и как засыпает, а здесь угадывала движение, которого ещё не было.

После третьей песни в зале кто-то собрался хлопать и остановился. Лидия не подняла рук с клавиатуры. Матвей остался неподвижен. Они дали циклу идти дальше, и эта общая неподвижность принесла ей неожиданную радость. Не победу над публикой, не доказательство их особого понимания — просто возможность не объяснять каждый раз, почему пауза ещё принадлежит музыке.

В середине она перестала следить за тем, как справляется. Возникла другая работа, трудная и живая: не отвечать одинаково на похожие обращения, дать заключительным фортепианным фразам собственный смысл, не превращать боль в красивый тяжёлый звук. Матвей один раз посмотрел на неё, когда она задержала движение дольше привычного. Не возмутился. Подождал.

Последние такты она играла уже без него. Голос замолчал, но концерт не закончился. Лидия знала, что сейчас Матвей стоит рядом, а люди всё ещё видят прежде всего певца, который молчит. Ей не захотелось отнять у него их внимание. Хотелось лишь, чтобы он не двигался и дал ей довести сказанное до конца.

Он не двигался.

После концерта Нина Андреевна обнимала их по очереди. Студенты спрашивали о дыхании, о темпах, о том, почему фортепиано так долго остаётся одно. На последний вопрос Матвей повернулся к Лидии.

— Это лучше Лидия Павловна расскажет.

Она могла сказать два подготовленных предложения и уйти, но молодой человек слушал по-настоящему. Лидия объяснила не историю создания, а то, что пыталась сделать сама: как сохранить мысль, когда слова уже не помогают. Говорила просто, без терминов, и сама удивилась, что ей не страшно. Матвей стоял рядом, держа обе папки, и не добавлял ничего.

В гостиницу они вернулись поздно. Лидия была голодна, но в кафе уже убирали столы. Матвей купил в круглосуточном магазине хлеб, сыр и помидоры; она настояла, чтобы оплатить половину. Они ели в маленьком холле на втором этаже, потому что приглашать друг друга в номер было бы слишком определённым решением.

— Хорошо было, — сказал Матвей.

Лидия вытерла пальцы салфеткой.

— Да.

— Я давно так не пел.

Она не стала отвечать, что он прекрасно пел и без неё. Не знала. Он не присылал ей записи, она не искала.

— Спасибо, что дождался в конце, — сказала она.

— Куда бы я пошёл?

Он сказал это серьёзно, и Лидия услышала больше, чем следовало. В холле зашумел лифт, вышла пожилая пара с пакетом из магазина. Они замолчали, дождались, пока те найдут свой номер. Матвей собрал остатки еды в пакет и предложил отдать ей на завтрак.

— Оставь себе. Я утром в кафе.

— Тогда до утра.

У двери своего номера Лидия оглянулась. Он ещё стоял у лифта, не спешил уходить. Она подняла руку — коротко, без обещания — и вошла. В комнате пахло развешенной после душа одеждой. Лидия достала из ящика сольную папку, посмотрела на первую страницу Брамса и закрыла обратно. Сегодня ей хотелось сохранить в себе то, что они сделали вдвоём.

Глава 5. На полшага раньше

На второй вечер тура, двадцать седьмого сентября, они приехали в небольшой город Нижегородской области. После концерта предстояло вернуться в ту же гостиницу в Нижнем. В здешнем зале банкетка не держала высоту. Лидия повернула винт, села, и сиденье медленно опустилось под ней на несколько сантиметров. Она встала и попробовала ещё раз. Заведующий хозяйством принёс две плотные подушки, одну в красном чехле, другую без чехла вовсе. Выбирать было не из чего. Лидия положила красную на сиденье и проверила, не скользит ли она по обивке.

Матвей стоял у двери, разговаривал по телефону. Уже третий звонок за утро. Лидия слышала только его ответы: да, программу прислал; нет, в ноябре пока свободен; можно обсудить камерный вечер отдельно. Она старалась не слушать, но имя знакомого московского администратора всё равно зацепилось за внимание. Когда-то такие разговоры заканчивались словами «Лида тебе пришлёт». Сейчас Матвей обещал прислать сам.

В окнах за сценой виднелись верхушки тополей. К концерту окна должны были закрыть шторами, но пока дневной свет делал всё неприглядно ясным: потёртую кромку рояля, пыль на плинтусе, сколотый угол у ступеньки. Лидия провела тканью по клавишам. Инструмент был настроен, однако в нижнем регистре две ноты отзывались глухо, словно звук не доходил до зала.

— Придётся осторожно с басом, — сказала она, когда Матвей закончил разговор.

— Что?

Она повторила. Он подошёл, попробовал голос, сразу поморщился.

— Здесь всё уходит в потолок.

— Давай сначала послушаем.

— Я слышу.

В этот раз он произнёс знакомые слова иначе — коротко, с остатком чужого разговора. Лидия не стала спорить. Они прошли несколько мест, потом Матвей попросил начать второе отделение. Он хотел попробовать романс, который в Нижнем они играли последним, раньше остальных: голос к концу вечера уставал, и ему казалось, что порядок неудачен.

Лидия согласилась поменять два номера. Это не разрушало программу. Она внесла пометку в лист, отправила Римме сообщение и спросила, предупреждён ли ведущий.

— Сейчас скажу, — ответил Матвей.

Он действительно сказал. Лидия слышала разговор у двери и почувствовала, как уходит напряжение, на которое она не находила слов. Он мог договариваться сам. Мир при этом не рушился.

На дневную встречу пришли шестеро учеников и две преподавательницы. Мальчик лет семнадцати пел, всё время глядя на свою учительницу, сидевшую у стены. Лидия предложила ему один раз отвернуться от неё и спеть в пустой ряд. Мальчик послушался и сразу перестал вытягивать шею на верхних нотах. Матвей занялся дыханием, показал место, где тот слишком рано тратил воздух. Он работал терпеливо, не перебивал после каждого звука, и Лидия снова увидела человека, с которым когда-то хотела прожить жизнь. Не знаменитого, не редкого, не незаменимого — внимательного к тому, кто ещё не умеет и потому боится.

После встречи учительница подошла к ним с пакетом яблок. Сказала, что сад свой, урожай хороший, пусть возьмут в дорогу. Матвей поблагодарил так серьёзно, что женщине стало неловко. Лидия взяла пакет, и одно яблоко покатилось по полу. Мальчик поднял его раньше, чем она успела наклониться.

— Вы же тоже могли бы показать что-нибудь, — сказал он ей.

— Я показывала.

— Нет, я про одну. Без пения.

Лидия посмотрела на закрытый рояль. Можно было сыграть небольшую пьесу, пока зал свободен. Пять минут ничего бы не изменили. Но Матвей уже объяснял преподавательнице, когда будет следующий концерт, у двери ждали люди, и Лидия услышала собственный привычный ответ:

— В другой раз.

Мальчик кивнул, не обидевшись. Именно это — отсутствие обиды — почему-то задержалось с ней дольше самого вопроса.

К вечеру похолодало. В артистической включили обогреватель, и воздух быстро сделался сухим. Матвей попросил выключить. Лидия накинула на плечи плащ и сидела так, пока он молча разогревался. Между ними стоял пакет яблок. Она выбрала одно, маленькое, с бурым боком, и съела до половины, прежде чем заметила, что не чувствует вкуса.

Первое отделение прошло ровно. Не так свободно, как в Нижнем, но без провалов. Лидия приспособилась к глухому басу, Матвей перестал пытаться наполнить зал силой. В антракте он говорил мало, зато быстро ходил по тесной комнате, три шага к окну, три обратно. Телефон лежал на столе экраном вверх. Лидия видела, как приходят сообщения, но не читала.

— Есть новости? — спросила она.

— Возможно, будет Москва в январе. Пока ничего определённого.

— Хорошо.

Он остановился.

— Ты не рада?

— Рада. Ты сказал — ничего определённого.

— Ясно.

Лидия хотела спросить, что именно ему ясно, но за дверью уже предупредили о выходе. Она поднялась, застегнула жакет, проверила порядок листов. Ей не хотелось выносить этот обрывок разговора на сцену, и несколько первых минут она думала только о руках.

Поворот случился в романсе, который они переставили. Вступление Лидия взяла так, как договорились утром. Матвей вступил раньше — не на ошибочную долю, а внутри той свободы, которая сама по себе могла быть выразительной. Он повёл фразу вперёд, и Лидии пришлось мгновенно сократить собственное движение, чтобы не столкнуться с ним.

Первый раз она подумала: случайно. Второй — услышала намерение. Он хотел больше порыва, хотел уйти от осторожности, которая раздражала его весь день. Возможно, именно так и следовало петь сегодня. Но ей не оставили времени понять это вместе с ним. Лидия удержала бас, перебросила правую руку, нашла нужное дыхание почти на ощупь. Подушка под ней сдвинулась, и она крепче поставила левую ногу на пол.

Публика ничего не заметила. Или заметила порыв, ради которого всё происходило. Матвей спел последнюю фразу широко, красиво, с тем напряжением, которое собирало людей в одно слушающее тело. Лидия закончила романс, не позволив рукам выдать, сколько лишней работы только что сделала.

На поклоне он повернулся к ней с благодарностью. Она поднялась, чувствуя, как от неудобного сиденья тянет поясницу. Цветы принесли ему, потом женщина из первого ряда вернулась и протянула Лидии небольшую ветку хризантем. Та приняла её обеими руками. Ветка была влажной, обёртка холодила пальцы.

В артистической Матвей сразу спросил:

— Чувствовала? Наконец пошло.

Лидия положила цветы на край стола.

— Ты поменял темп.

— Там нельзя было оставаться в прежнем. Зал не держал.

— Утром держал.

— Утром не было людей.

Она сняла жакет, аккуратно повесила его на спинку стула. Матвей смотрел на неё с недоумением. Он ждал радости от удачного выхода, и её отсутствие казалось ему отказом разделить то, что они оба сделали.

— Ты могла показать, что неудобно, — сказал он.

— Со сцены?

— Лида, ты меня понимаешь с полувзгляда.

— Я не посмотрела на тебя ни разу. Я смотрела в ноты и пыталась успеть.

Он отвёл глаза, взял полотенце, провёл им по шее. Лидия знала этот жест: ему требовалось время, чтобы перестать отвечать как певец после концерта и услышать то, что сказано не о голосе.

— Я не хотел тебя подставить.

— Я знаю.

— Тогда почему ты так?

Она села. Подняла ногу, расстегнула тугую пряжку. Пальцы никак не попадали в отверстие, и от этого простого сопротивления захотелось заплакать. Не из-за темпа. Из-за того, что он опять спрашивал, почему она «так», когда она всего лишь не могла сразу стать довольной.

— Я устала, — сказала Лидия. — И мне не понравилось, что ты решил за нас обоих.

— Но получилось.

— Получилось.

Повтор оставил их без удобного спора. Ошибки не было, зрители хлопали, организаторы были довольны. Матвей сел напротив, положил локти на колени.

— После Нижнего мне казалось, мы можем нормально говорить.

— Мы сейчас нормально говорим.

— Нет. Ты снова закрываешься.

Лидия наконец сняла туфлю. На коже осталась красная полоса от ремешка. Она провела по ней большим пальцем, потом подняла взгляд.

— Я не буду сейчас обсуждать, что у нас снова может получиться. Не после этого.

Он выпрямился.

— Я не предлагал.

— Тогда хорошо.

За дверью ждали машина и заведующий с бумагами. Лидия переобулась, взяла папку, цветы и пакет яблок. Матвей забрал свой чехол. Они вышли к людям, улыбнулись, подписали то, что требовалось, поблагодарили за зал. В машине ехали молча.

На обратной дороге Лидия прижимала хризантемы к сумке, чтобы они не мялись. Матвей сидел впереди, и в зеркале было видно только его глаза. Она несколько раз замечала, что он смотрит назад. Ей хотелось сказать: я не перечеркнула вечер. Я знаю, как ты пел. Я была там. Но произнести это сейчас означало бы начать утешать его раньше, чем он понял, почему ей больно.

К гостинице в Нижнем вернулись поздно. Матвей обошёл машину и открыл ей дверь. Лидия поблагодарила. Доброта жеста не была ложной, и тем тяжелее было не принять её за ответ на всё остальное.

Глава 6. Утро после удачи

Утром Матвей прислал ей запись. Четыре минуты, снятые из середины зала, с чужой головой в нижнем углу. В сообщении не было ни приветствия, ни пояснения. Лидия увидела файл, когда чистила зубы, и оставила телефон на краю раковины экраном вниз. Она знала, что там. Доказательство, что получилось.

На завтрак он пришёл позже. Лидия уже допивала кофе и смотрела на уличную дверь, за которой люди раскрывали зонты. Ей предстояло свободное утро. Можно было пройтись, купить тёплые носки, позвонить Свете и узнать про учеников. Она заранее перечислила эти дела, словно без списка свободное время немедленно досталось бы кому-то другому.

Матвей поставил тарелку напротив.

— Послушала?

— Нет.

— Послушай потом. Там слышно, о чём я говорил.

Лидия посмотрела на его тарелку. Он взял омлет, который обычно не ел перед выступлением. Значит, концерт закончился и для него тоже; можно было быть обычным человеком, жевать, спрашивать, нужен ли ещё хлеб.

— Я слышала вчера. Я играла.

— Я не спорю с тем, что тебе пришлось подстроиться.

— А с чем споришь?

Матвей отложил вилку.

— С тем, что это обязательно было что-то против тебя.

Она почувствовала, как разговор уходит туда, где он всегда становился бесконечным. Стоило признать, что намерение было хорошим, и последствия должны были исчезнуть. Лидия могла согласиться с намерением. С исчезновением — нет.

— Я не сказала, что против меня. Я сказала, что без меня.

Он посмотрел в окно. В эту минуту ей самой не понравилась собственная точность: фраза слишком хорошо звучала, будто была приготовлена для человека, который должен немедленно понять и раскаяться. На самом деле Лидия ночью долго ворочалась и перебирала разные ответы. Она имела право утром говорить яснее, чем вечером, но не хотела превращать это в превосходство.

— Ты мог бы на репетиции предложить попробовать быстрее, — добавила она. — Я бы попробовала. Может быть, мне бы понравилось.

— А если я понял это только на сцене?

Лидия молчала. Такой вопрос был настоящим, и готовой красивой фразы на него не было. Живая музыка не состояла из заранее подписанных согласий. Они оба знали десятки вечеров, когда риск одного открывал другому то, чего на репетиции не находили.

— Тогда после сцены можно было спросить, как мне было, — сказала она наконец. — Не объяснять сразу, что всё хорошо.

Матвей взял вилку, но есть не стал.

— Как тебе было?

Она не смогла ответить. Не потому, что он спросил поздно, а потому, что устала ждать этого вопроса и теперь чувствовала только пустоту. За соседним столом женщина разрезала ребёнку блин на маленькие кусочки. Нож скребнул по тарелке; Лидия вздрогнула.

— Я сейчас не могу, — сказала она. — Мне надо побыть одной.

— Хорошо.

Он не стал удерживать. Лидия поднялась, унесла чашку к стойке и вышла из кафе. Только на лестнице вспомнила, что хотела купить носки и потому нужно было вернуться за кошель-

ком. Маленькая ошибка раздражала сильнее разговора. Ей хотелось уйти красиво, а пришлось подниматься в номер, искать сумку, проверять, не оставила ли карточку в дверном замке.

На улице дождь почти прекратился. Она шла без цели, пока не увидела небольшую булочную с запотевшими стёклами. Купила хлеб для дороги и села у окна, хотя завтракала десять минут назад. Булочная была тихой; за прилавком девушка раскладывала бумажные пакеты и не обращала на Лидию внимания. Это отсутствие внимания успокаивало. Никто не ждал, что она объяснит своё лицо.

Елена Сергеевна ответила на запись коротким сообщением: «Послушала. Во второй не оправдывай задержки. Если тебе нужна пауза, выдержи её. Позвоню на неделе». Лидия прочитала дважды. Преподавательница не написала, что хорошо, не похвалила за возвращение к сольной работе. Сразу услышала место, где Лидия сомневалась, и стала с ним работать. От этого хотелось снова сесть за инструмент.

Она позвонила в зал, спросила, можно ли приехать днём. Нина Андреевна сказала, что после двух будут репетиции хора, а до половины второго рояль свободен. Лидия посмотрела на часы и впервые за утро заторопилась по собственной причине.

В гостиницу вернулась за нотами. Матвей стоял в коридоре возле лифта, говорил с Риммой. Он сразу убрал телефон от уха.

— Всё нормально?

— Да. Поеду позанимаюсь.

— Я могу позже подойти, пройдём второе отделение.

— Я буду играть своё.

Он помедлил.

— А. Хорошо.

Лидия вошла в номер и достала папку. Ей показалось, что она сказала «своё» с ненужным ударением, как будто их общая музыка больше не принадлежала ей. Но объяснять сейчас эту разницу означало потерять полчаса, которое только что удалось найти. Она взяла телефон, воду и поехала одна.

На сцене было прохладно. Нина Андреевна показала, как включается рабочий свет, и предупредила, что придёт уборщица. Лидия сказала, что не помешает. Потом осталась перед роялем и несколько минут не играла. Нужно было привыкнуть к тому, что рядом никто не готовится вдохнуть.

Брамс сначала не получался. Домашний инструмент прощал ей то, что здесь становилось слышно: тяжёлый большой палец, слишком отчётливую границу между голосами, желание сделать красивым каждый поворот. Она остановилась, взяла только левую руку. Потом добавила правую, медленнее. Сцена была пустой, можно было ошибаться сколько угодно, и всё же Лидия ловила себя на попытке сыграть безупречно для отсутствующего слушателя.

В зал вошла уборщица, остановилась с ведром у двери. Лидия предложила прекратить, но та махнула рукой. Зашуршала щётка между рядами. Через несколько минут Лидия перестала слышать её отдельно от комнаты. Она искала место, о котором написала Елена Сергеевна, и впервые позволила паузе остаться неуверенной, без красивой подпорки следующего аккорда.

Тогда возникло то, ради чего хотелось играть: не правильность и не эффект, а ощущение, что она сама ещё не знает следующего шага и всё-таки ему доверяет. Лидия прошла дальше, не останавливаясь на мелкой ошибке. В конце долго держала руки над клавишами, пока звук не исчез.

— Ещё будете? — спросила уборщица с последнего ряда.

— Буду. Я мешаю?

— Нет. Я пол пока у входа помою.

Лидия кивнула. Ни комплимента, ни вопроса, известная ли она. Просто женщина рассчитывала собственное время рядом с её работой. Ей почему-то захотелось запомнить это утро целиком.

К половине второго она устала больше, чем после концерта. Пальцы были тёплыми, в голове оставались два нерешённых места, и это было хорошее недовольство, которое не требовало искать виноватого. Лидия закрыла рояль, поблагодарила Нину Андреевну и вышла на улицу. Матвей прислал сообщение: «Не трогаю сегодня. В шесть Римма хочет созвониться по переезду». Она ответила: «Спасибо. Буду».

Вечером они говорили с Риммой из холла, поставив телефон между собой. Организатор уточняла время машины, просила сохранить чеки за дорогу и не рассчитывать на поздний ужин в следующей гостинице. Матвей записывал. Лидия смотрела, как он выводит время в своём новом блокноте. Не на случайном клочке, который потом отдаст ей, а на странице, где уже были адреса и номера телефонов.

Когда звонок закончился, он не убрал телефон сразу.

— Я переслушал запись, — сказал Матвей.

Лидия ждала.

— Там не слышно, что тебе было трудно. Я поэтому и прислал.

— Я поняла.

— Но это ведь не значит, что тебе было легко.

Он произнёс это медленно, без уверенности в том, что найденная мысль достаточна. Лидия почувствовала, как у неё устали глаза. Хотелось закрыть их и не отвечать, дать словам побыть между ними без немедленного решения.

— Не значит, — сказала она.

Матвей кивнул. Больше они о концерте не говорили. Он спросил, удалось ли ей позаниматься, и выслушал ответ, не предлагая свою оценку. Лидия рассказала про тяжёлую клавиатуру и паузу, которую наконец перестала прятать. Не всё, только столько, сколько смогла сказать без защиты.

Позже, уже в номере, она всё-таки открыла присланную запись. Голос Матвея звучал свободно. Фортепиано поддерживало его так уверенно, будто никто ни на что не сердился. Лидия дослушала до конца и сохранила файл. Не как доказательство его правоты или своей жертвы. Это был их вечер, и в нём действительно было хорошее, которое она не хотела терять вместе с остальным.

Глава 7. Свободное окно

В Чебоксарах Лидия впервые за поездку сама попросила другой номер. В выданной комнате из-за стены доносился телевизор, и звук был не громким, но неотвязным: мужской голос произносил короткие фразы, за ними следовал женский, потом всё повторялось с другой интонацией. Лидия не могла разобрать слова и потому прислушивалась сильнее. Она спустилась к стойке, объяснила, что ей нужно отдыхать между репетициями, и приготовилась услышать отказ.

Администратор посмотрела в экран.

— Есть наверху, без лифта на последний пролёт. Подойдёт?

— Да.

— Только чемодан сами. У нас сейчас некому.

Лидия подняла чемодан по ступенькам, останавливаясь на каждой третьей. Номер оказался меньше, окно выходило во двор с единственным деревом. Зато здесь не было телевизора за стеной. Она открыла форточку и несколько минут стояла, слушая, как внизу переставляют мусорный контейнер. Этот звук имел начало и конец; от него можно было отойти.

Матвей написал, что спустится на обед через двадцать минут. Она ответила, что уже поела в дороге. Это была не совсем правда: съела яблоко и кусок хлеба. Ей не хотелось совместного обеда, а простая ложь по старой привычке казалась вежливее отказа. Лидия посмотрела на отправленное сообщение и дописала: «Хочу полежать одна. Увидимся на репетиции». Исправлять первую фразу уже не стала.

В зале их ждали в четыре. Римма всё-таки получила дополнительное утро, но только на следующий день, с девяти до одиннадцати. Лидия увидела сообщение и сразу захотела эти часы для себя. До общего концерта оставалось двое суток, программу они прошли много раз. Однако просьба взять утро целиком прозвучала бы так, будто она не считает нужным работать с Матвеем.

На репетиции она решила сначала посмотреть, как пойдёт. Рояль был мягче предыдущего, зал отзывался живее, и Матвей почти сразу успокоился. Он попросил дважды повторить трудный переход, затем предложил закончить. Лидия закрыла ноты и сказала, пока не успела передумать:

— Я завтра с утра возьму инструмент для своей программы. Если тебе нужно, можем после десяти тридцати пройти что-нибудь.

Матвей посмотрел на часы.

— Я думал, мы целиком сделаем цикл.

— Мы только что почти целиком сделали.

— Здесь другая акустика.

— Я слышу.

Он усмехнулся без веселья. Лидия поняла, что вернула ему его же слова, и ей стало неприятно. Она не собиралась копить его фразы, чтобы пользоваться ими как маленькими наказаниями.

— Прости, — сказала она. — Я хочу полтора часа одна. Потом готова поработать с тобой. Или сегодня ещё, пока зал свободен.

Матвей подумал.

— Сегодня не хочу. Голос устал. Давай завтра в половине одиннадцатого.

Лидия кивнула. Он взял папку и ушёл разговаривать с заведующей. Ничего не произошло. Никто не обвинял её в нелюбви, никто не говорил, что сольные пьесы могут подождать. И всё же ещё несколько минут она сидела у закрытого рояля, словно ждала отложенной расплаты.

В гостиницу возвращалась одна. На улице продавали поздние цветы в пластиковых вёдрах; ветер переворачивал пустой пакет у остановки. Лидия купила суп в кафе, съела не спеша, потом пошла в магазин за носками, которые всё ещё не купила в Нижнем. Взяла две пары и маленький крем для рук. На кассе поймала себя на том, что считает, сколько всё это стоило бы дома. Деньги были настоящими, как холодные ноги и сухая кожа. Она работала ради них тоже.

Утром инструмент ждал в пустом зале. Рабочий свет включили только над сценой. Лидия поставила телефон на край первого ряда и записала первую пьесу Брамса. Слушать сразу не стала, перешла ко второй. После удачного нижегородского утра ей казалось, что дело наконец сдвинулось. Теперь всё снова сопротивлялось: пальцы торопили мысль, середина распадалась на отдельные красивые места.

Она остановилась, положила руки на колени. В зале кто-то тихо кашлянул.

Матвей сидел у прохода. Лидия не слышала, как он вошёл.

— Сколько времени? — спросила она.

— Десять.

— Мы договорились на половину.

— Я не мешаю. Просто слушаю.

Она посмотрела на телефон, всё ещё записывающий тишину, и почувствовала знакомый стыд. При нём хотелось играть сразу готовое. Не искать, не ломать, не повторять пять раз одно неловкое место. Он, возможно, совершенно не требовал от неё готовности, но четырнадцать лет привычки не исчезали после вежливой фразы.

— Мне сейчас лучше одной, — сказала Лидия.

Матвей поднялся не сразу. Взял папку с соседнего кресла, застегнул куртку.

— Хорошо. Я в коридоре.

Дверь закрылась мягко. Лидия сидела, глядя на клавиши. Она попросила именно то, что было нужно, и получила это. Почему же хотелось выйти за ним, вернуть и объяснить, что дело не в нём, что он не сделал ничего плохого? Потому что объяснение освободило бы её от необходимости выдержать его огорчение. Она знала это и всё равно почти встала.

Вместо этого выключила запись и начала среднюю часть заново.

В половине одиннадцатого Матвей вернулся. Они прошли два перехода и одну песню целиком. Он работал сосредоточенно, без демонстративной сухости, однако на Лидию почти не смотрел. Она не стала угадывать, сердится он или бережёт внимание. Когда закончили, спросила, хочет ли он пройтись до гостиницы пешком. Матвей согласился.

Они шли по разным краям тротуара, обходили лужи. У перехода пришлось остановиться надолго, и Матвей сказал:

— Я думал, тебе приятно, когда я слушаю.

Лидия смотрела на красный сигнал.

— Иногда приятно. Сегодня мне нужно было повторять плохое место, пока оно не перестанет быть плохим.

— При мне нельзя?

— Пока трудно.

Он медленно кивнул. Машины прошли, свет сменился, но они не сразу двинулись.

— Ты раньше никогда так не говорила.

— Раньше я почти не играла при тебе своё.

— Ты могла.

— Да.

Лидия ответила быстро, чтобы не превратить правду в обвинение. Могла. Он не запирал крышку рояля, не запрещал ей подавать заявки, не рвал ноты. Она сама предпочитала быть необходимой в том, что уже получалось, а собственный риск откладывала до времени, когда

будет больше сил. Потом сердилась, что Матвей не заметил её отказа от себя, хотя объясняла его занятостью и удобством.

— Я могла, — повторила она. — И не делала. Сейчас хочу делать.

Матвей сунул руки в карманы.

— Я не против.

Ей хотелось ответить, что не это она спрашивала. Но он не говорил «разрешаю». Он подбирал слова, которыми умел пользоваться. Лидия оставила фразу без поправки.

По дороге Лидия отправила Елене Сергеевне запись первой пьесы, вырезав последующую рабочую возню. Днём пришёл ответ. Преподавательница спросила, можно ли передать файл знакомой, которая собирает камерные вечера в Москве. Лидия прочитала сообщение в гостиничном коридоре, пока искала карточку от номера. Из-за волнения карточка никак не находилась, хотя лежала в наружном кармане. Ей понадобилось сначала открыть дверь, поставить сумку, снять пальто, только потом ответить.

«Можно. Спасибо».

Она не добавила, что запись рабочая. Елена Сергеевна знала. Не спросила, что за вечера и кто знакомая: боялась, что вопрос сделает надежду слишком видимой. Через минуту всё-таки написала: «А что за цикл?»

Преподавательница ответила: «Небольшой независимый зал. Исполнители предлагают свой порядок, не сборный концерт по одному номеру. Пока ничего не обещаю».

Лидия села на кровать. В комнате было прохладно: утром забыла закрыть форточку. Она поднялась, закрыла, снова села. Впервые за долгое время чужое «ничего не обещаю» не унизило её и не заставило заранее отказаться. Можно было ждать без гарантии. Можно было продолжать заниматься, даже если никто не пригласит.

Матвею она пока не сказала. Новость ещё не была новостью. Лидия понимала, насколько удобна эта оговорка, и всё же позволила себе вечер, в котором возможное приглашение принадлежало только ей.

Перед сном Лидия открыла видео Ирины, присланное ещё днём. Телефон стоял у ученицы слишком близко к инструменту: в кадр попадали только правая рука и край рукава. Левой не было видно, но слышно было, как та каждый раз вступает с опозданием.

Ирина сыграла начало, остановилась и сказала в камеру:

— Дальше всё равно одинаково. Я тут уже десятый раз.

Лидия посмотрела весь короткий файл дважды. В первый раз хотелось попросить переснять с обеими руками. Во второй она услышала, что ошибка возникает не там, где Ирина сама её замечает. Та спешила в предыдущей фразе, потом ждала левую и считала неправильным только ожидание.

Лидия начала записывать ответ, но после первой минуты остановила. Объясняла слишком много. Сама бы не захотела разбираться вечером после магазина в таком сообщении. Удалила и вместо объяснения простучала нужное движение по столу, считая вслух. Потом написала, что нужно попробовать одну короткую строчку, не весь лист. Только три раза подряд, затем сделать перерыв.

Ответ пришёл сразу: Ирина ещё не легла. Прислала новый звук, уже без видео. В начале щёлкнул выключатель, потом знакомая мелодия зазвучала медленнее. В одном месте опять остановилась, но на этот раз закончила, не возвращаясь к началу.

Лидия улыбнулась. Уже хотела отправить ещё одно задание, когда заметила время. До полуночи оставалось немного. На сегодня получилось достаточно.

«Вот так. Дальше пока не прибавляйте. Следующий фрагмент посмотрю отдельно, как договорились».

Ирина ответила благодарностью и сообщила, что дочь приедет двадцать первого октября. Времени ещё хватало, если не пытаться выучить за вечер всё. Лидия внесла дату в свой малень-

кий блокнот. Там уже были номер местного класса, просьба Риммы прислать документы и пометка о записи для Елены Сергеевны. Между ними нашлось место для чужого семейного дня, к которому у неё тоже была работа.

Она убрала телефон на зарядку.

Глава 8. Другая партия

На встрече с учениками Лидии дали стул у стены. Это было удобно для слушания и совершенно неудобно для того, что она собиралась делать. Матвей уже стоял возле рояля, просматривал ноты с молодым тенором. Местная концертмейстер, женщина немного старше Лидии, ждала на банкетке, положив руки на колени.

— Я пересяду ближе, — сказала Лидия организатору встречи.

— Конечно, как вам удобно.

Она перенесла стул сама. Матвей взглянул, освободил край рояля от своей папки и продолжил разговор. Молодого певца звали Илья. Он держал ноты так крепко, что листы загнулись к ладоням, и несколько раз уточнил, с начала ли петь. Матвей терпеливо ответил, что с начала.

Лидия слушала первые такты и чувствовала, как женщина за роялем заранее подстраивается под каждое неровное движение. Она делала это хорошо. Слишком хорошо для сегодняшней задачи: Илья ни разу не услышал, где теряет собственный темп, потому что фортепиано всякий раз успевало принять его ошибку за намерение.

Матвей остановил певца, попросил повторить. Лидия дождалась второго раза и вмешалась:

— Можно теперь только фортепиано?

Концертмейстер повернулась к ней.

— Целиком?

— Первые два предложения. Илья, вы послушайте, не пойте внутри за неё.

Молодой человек кивнул, хотя, судя по лицу, не понял последнего. Женщина начала. Без голоса её партия оказалась гораздо свободнее; Лидия услышала ясную линию, которой раньше не давали закончиться.

— Вот здесь, — сказала она после остановки. — Вы эту мысль слышите до того, как вступаете?

Илья посмотрел на свою преподавательницу. Матвей шагнул чуть в сторону, перекрыв привычный путь взгляда.

— Попробуй ответить сам, — сказал он.

— Не всегда, наверное.

— Давайте ещё раз. Не угадывайте, когда надо. Послушайте.

На третьем повторе получилось. Лидия ничего не поправляла в голосе, а тот вдруг стал спокойнее. Женщина за роялем подняла на неё глаза и быстро отвернулась, будто благодарность здесь была слишком личной. Лидия почувствовала неловкость: она не хотела спасать коллегу от ученика или доказывать Матвею что-то на чужом уроке. Но отказаться от замеченного только ради этой боязни означало бы снова сделать вид, что всё слышимое принадлежит певцу.

После встречи концертмейстер догнала её у гардероба.

— Я Ольга. Мы с вами один раз виделись на конкурсе, давно.

Лидия не помнила. Сказала об этом, вместо того чтобы вежливо подтвердить узнавание.

— Да там все были уставшие, — ответила Ольга. — Я хотела спросить: вы сольное сейчас играете?

— Занимаюсь.

— А выступаете?

Лидия поправила ремень сумки.

— Пока мало.

Ольга кивнула с той слишком быстрой понятливостью, которая возникает у людей с похожей биографией. Лидии захотелось возразить: не надо заранее знать про неё всё. У Ольги могли

быть дети, больные родители, другая работа, совсем иные причины. Но женщина не стала рассказывать свою историю. Сказала только, что в малом классе утром часто свободно и можно попросить ключ у заведующей.

Лидия поблагодарила. Матвей ждал у выхода и не поторапливал. Когда они вышли, он спросил:

— Давно знакомы?

— Я её не вспомнила.

— А говорили так, будто давно.

— Она сказала, где можно заниматься.

Матвей кивнул. Они дошли до остановки. У Лидии в сумке дрожал телефон, но она не могла достать его, не сняв перчатку, и позволила звонку закончиться. Потом увидела имя Елены Сергеевны и перезвонила уже в гостинице.

Преподавательница спросила, что Лидия хочет сыграть, если ей дадут вечер. Не «что умеешь», не «что готово», а именно хочет. Лидия начала перечислять: три пьесы Брамса, соната Шуберта, можно добавить ещё что-нибудь, если потребуется длиннее. Елена Сергеевна выслушала и попросила пока ничего не добавлять.

— Тебе зачем этот порядок?

Лидия сидела за гостиничным столом, на котором едва помещались ноутбук и чашка. За окном потемнело. Ей хотелось ответить про контраст, позднего Брамса, ясность Шуберта, но все готовые слова звучали как текст для программки, написанный человеком, который сам не уверен, зачем пришёл.

— Я не хочу начинать с того, что легко слушать, — сказала она. — Хочу сначала… чтобы было неуютно. А потом не исправить это, а дать другое время.

— Другое — какое?

Лидия помолчала.

— Когда не надо заранее знать, чем всё кончится.

На другом конце раздался тихий стук: Елена Сергеевна, вероятно, поставила чашку на стол.

— Теперь понятно. Только не рассказывай это со сцены. Сыграй.

Лидия закрыла глаза. В двадцать четыре она бы приняла эти слова за холодность. Теперь услышала в них доверие к тому, что ещё не получилось.

— Вы думаете, я могу?

— Я думаю, тебе придётся много работать. Это другой вопрос.

Преподавательница сказала, что куратор посмотрит записи на следующей неделе, и попросила до завтрашнего вечера прислать предполагаемый порядок пьес. Лидия согласилась. У куратора был небольшой цикл вечеров с ограниченным бюджетом, никаких обещаний большого будущего. Лидия могла получить один вечер, могла не получить. Елена Сергеевна говорила об этом так спокойно, что надежда перестала казаться чем-то постыдным. Можно было хотеть маленькую сцену без гарантии, что она приведёт на большую.

Глава 9. Музейный вечер

После звонка Лидия долго смотрела на закрытую папку.

Почти двенадцать лет назад ей уже предлагали сыграть свою часть вечера. Не целый концерт, не важное приглашение, которого нельзя было упустить. Несколько пьес в небольшом зале при музее. Организатор позвонила в середине дня, когда Лидия варила макароны и пыталась одновременно разобрать новые ноты Матвея.

Женщина говорила быстро. Назвала дату, условия, примерное время. Вторую часть отдавали другой пианистке; нужно было заранее сравнить программы, чтобы они не повторялись. Лидия записала номер телефона на обороте конверта и пообещала ответить через два дня.

Макароны разварились. Она слила воду, попробовала одну прямо из дуршлага и выбросила половину: Матвею они не понравятся, да и самой не хотелось есть липкое. Поставила вариться другие. На столе рядом с нотами лежал конверт. Она несколько раз брала его, собираясь сразу позвонить второй участнице, потом откладывала: сначала бы самой решить, что играть.

Вечером Матвей репетировал. У него приближалось прослушивание, программа не складывалась. Одна вещь была слишком удобной, другая слишком новой, он колебался, менял порядок, просил Лидию послушать сначала так, потом иначе. Она любила эти часы. Не только терпела ради него. Ей нравилось, что после её фортепианного вступления он начинал звучать свободнее, что придуманное ими движение вдруг связывало отдельные номера. Когда удавалось, Матвей оглядывался на неё ещё до последнего звука. Она ждала этого взгляда.

В тот вечер они закончили поздно. Матвей сел на пол у дивана, сказал, что голоден. Лидия разогрела ужин, поставила тарелки. Могла рассказать о звонке за едой, но он продолжал думать о программе, спрашивал, не вернуть ли старую вещь. Она отвечала, а конверт оставался под нотами.

Утром позвонила вторая пианистка. Оказалась знакомой по общим выступлениям, но близко они не общались. Спросила, что Лидия собирается играть. У самой почти всё было решено, оставался один номер на выбор.

Лидия назвала пьесы, которые любила со студенческих лет. Одна требовала заново собрать середину, другую она давно не играла целиком.

— По времени хорошо, — сказала коллега. — Только пришли окончательно сегодня или завтра, чтобы я не меняла потом своё.

Лидия пообещала. После разговора села за рояль и открыла первую вещь. Помнила начало, но дальше руки пошли по старому движению, а нужного звука не было. В одном месте остановилась, прочла заново, почувствовала, как мало осталось от уверенности, с которой когда-то выносила это на экзамен. Через сорок минут позвонила мать. Лидия ответила, потом сходила в магазин, вернулась уже к общему времени работы с Матвеем.

Он спросил, что она играла утром: услышал последние минуты, когда собирался уходить.

— Старое смотрела.

— Хорошо звучало. Почему не продолжаешь?

— Потом.

Вечером они опять занимались его программой. Лидия раздражалась на повторы, которые вчера приносили удовольствие. Матвей заметил, спросил, устала ли она. Ответила, что нет, и предложила ещё раз. Он поверил.

На следующий день нужно было окончательно ответить музею. Лидия разложила сольные ноты на полу, сравнила варианты. Можно было выбрать вещи попроще. Можно было попросить более короткую часть. Любой такой вариант казался признанием, что она не умеет предложить полноценную программу. Коллега уже прислала свой список: всё законченно, аккуратно, без

следов сомнения. Лидия не знала, сколько раз та его меняла до отправки. Видела только готовый результат.

Матвей собирался на встречу. Попросил вечером пройти трудное место, сказал, что без неё не слышит, где теряет опору. Она кивнула. Он поцеловал её у двери, поблагодарил заранее и ушёл.

Лидия взяла телефон и написала организатору: извините, сейчас не успеваю подготовить часть, очень загружена работой, лучше найти другого человека. Перечитала. Слово «работой» позволило не писать, что испугалась услышать себя одну после долгого перерыва. Отправила.

Ответ пришёл вежливый, без уговаривания. Организатор поблагодарила, что предупредила вовремя, попросила прислать контакт коллеги, если кто-то подходящий есть. Лидия дала один номер. На этом всё закончилось.

Матвею она сказала только вечером, когда он спросил, что у неё лежит на полу.

— Могла в музее сыграть. Не буду.

— Почему?

— Не успеваю. У нас твоё прослушивание.

Он присел рядом с нотами, поднял один сборник.

— Но музей когда?

Она назвала дату. Он подумал, потом сказал, что можно было попробовать: после прослушивания ещё оставалось время.

— Подготовиться когда?

— Днём. Мы же не круглые сутки работаем.

Это было правдой и прозвучало ужасно. Лидия услышала, что все её свободные часы якобы лежат нетронутыми, а она сама не хочет ими воспользоваться. На самом деле часть дня уходила на уроки, часть на быт, часть — на то самое откладывание, которое она не могла признать ни ему, ни себе.

— Ну теперь уже поздно, — сказала она.

Матвей вернул сборник на пол. Предложил написать ещё раз, но Лидия ответила, что не собирается выглядеть человеком, который сам не знает, чего хочет. Он замолчал. Потом они начали репетировать.

На прослушивание он уехал без неё: там был свой концертмейстер. Вернулся усталый, результат сообщили позже. В те дни Лидия особенно тяжело переносила тишину квартиры. Общая подготовка закончилась, а за собственную программу уже не нужно было отвечать ни перед кем. Она могла сесть и продолжить. Не садилась.

Афишу музейного вечера увидела случайно. На её месте стояло другое имя, которое Лидия знала. Программа была короче той, что она сама собиралась предложить. Несколько минут смотрела на экран с неприятной уверенностью, что могла бы не хуже. Это было легче, чем проверить.

Она не пошла слушать. Сказала Матвею, что вечер неинтересный, и потом долго помнила именно это своё слово. Неинтересным оказался вечер, на который её больше не ждали.

В гостиничном номере Лидия снова открыла папку. Тогда она сообщила Матвею о предложении только после отказа. Сейчас нужно было сначала самой выбрать программу.

Лидия не стала оправдывать его всеми случаями сразу. Были и другие вечера, когда он знал, видел и всё равно просил «только сейчас». Но этот принадлежал ей тоже. Она открыла блокнот и написала дату, когда обещала прислать программу. Потом коротко: «Сказать до отказа». Не афоризм для жизни, а напоминание о конкретной привычке.

На следующий день перед концертом Матвей принёс ей чай в бумажном стакане. Лидия уже переоделась и сидела с нотами на коленях. Он поставил стакан рядом, не заглядывая в страницы.

— У тебя сегодня своё занятие было?

— Было.

— Получилось?

— Не всё.

Он кивнул. Потом спросил, что она играет. Лидия рассказала про Брамса и Шуберта, про порядок, который ещё проверяла. Матвей слушал, опершись плечом о стену. В какой-то момент она заметила у него желание что-то предложить — знакомое движение головы, вдох перед репликой. Он сдержался, и ей стало легче говорить дальше.

— Елена Сергеевна передала запись куратору в Москве, — сказала она. — Может быть, будет вечер. Пока не знаю.

— Сольный?

— Да.

— Это хорошо.

Он сказал сразу, без видимой оговорки. Лидия почти обрадовалась заранее, будто следующий трудный разговор уже выдержан. Потом спросила себя: какой разговор? Ни дат, ни условий ещё не было. Пока её желание ничего у него не отнимало.

— Я тоже думаю, что хорошо, — ответила она.

Их позвали на сцену. Матвей взял свою папку, Лидия — свою. На этот раз он не спросил, готова ли она, просто подождал у двери. Она допила чай, выбросила стакан и подошла. В общем движении к выходу не было ничего нового, кроме того, что за пределами этого вечера у неё теперь существовала другая, произнесённая вслух возможность.

Глава 10. Не их музыка

Свободный день начался без звонка будильника. Лидия проснулась от света, полежала, не пытаясь определить время, потом всё-таки посмотрела на телефон. Почти десять. Впервые за поездку она проспала гостиничный завтрак и не почувствовала, что упустила что-то полезное.

Матвей написал: «Я собираюсь гулять. Если захочешь, буду внизу в одиннадцать. Если нет, увидимся вечером». Лидия прочитала сообщение и положила телефон. Ей понравилось, что отказ уже был предусмотрен без обиды, но она не хотела благодарить его за каждую нормальную просьбу. Просто ответила: «Пойду».

Он ждал у дверей гостиницы в тёмной куртке и шарфе, который она не знала. Это маленькое незнакомое оказалось приятным. У Матвея были вещи, купленные без неё, и не все они казались неудачными. Она заметила, что он выбрит тщательнее обычного, и сделала вид, что смотрит на застёжку сумки.

— Куда хочешь? — спросил он.

— К воде. Пока не дождь.

Они пошли медленно. Не нужно было успеть к настройщику, поймать машину, сохранить голос до вечера. Матвей мог говорить в полную силу, а Лидия — молчать без подозрения, что мысленно проверяет трудное место. На перекрёстке он привычно коснулся её локтя, предупреждая о машине, и сразу убрал руку. Она не отстранилась, но и не повернулась к нему.

У воды было холоднее. Лидия застегнула пальто до горла, спрятала руки в карманы. На дорожке женщина учила маленькую собаку идти рядом; та всё время останавливалась и смотрела назад. Матвей задержал взгляд, потом сказал, что после развода несколько раз думал завести собаку.

— Почему не завёл?

— Потому что думал вечером. А утром вспоминал, сколько меня не бывает дома.

Лидия кивнула. Раньше она бы сразу начала перечислять, кому можно оставить животное, кто выгуляет, сколько это стоит. Теперь просто представила его одного на кухне, где слишком тихо после ужина.

— Я первое время оставляла радио, — сказала она.

— Ты же не любишь, когда говорят без конца.

— Поэтому включала тихо. Чтобы не разбирать.

Матвей посмотрел на неё, но ничего не спросил. Лидия была благодарна. Ей не хотелось сейчас рассказывать, как трудно было засыпать без другого дыхания и как раздражала собственная тоска по тому, от чего она сама ушла.

Они дошли до кафе. Внутри было тесно, свободный стол стоял у окна, на подоконнике сохли чашки после мытья. Матвей заказал себе суп, Лидия — горячий пирог и чай. Он не спросил, почему она не ест нормально; она не напомнила, что ему лучше не брать слишком горячее. Маленькие запреты, которыми они заботились друг о друге годами, остались невысказанными, и еда от этого не стала опаснее.

На стене у входа висел листок с объявлением о дневном концерте: струнное трио, маленькое пространство неподалёку, начало через час. Лидия прочитала имена, никого не узнала. Матвей проследил за её взглядом.

— Пойдём?

— Ты хочешь слушать музыку в выходной?

— Не нашу — хочу.

Она улыбнулась, не от шутки, а от точности ответа. Да, не их. Музыку, в которой не надо было подхватывать чужой вдох и помнить, что за следующим поворотом обычно случается спор.

Зал оказался комнатой на втором этаже, с окнами в пол и рядами разных стульев. Они пришли слишком рано и сначала стояли у стены, пока организатор переставлял последний ряд. Матвей предложил помочь. Лидия держала его шарф, пока он переносил два стула к окну. Ткань ещё сохраняла тепло его шеи; она заметила это и не стала отвлекаться на телефон.

Они сели не в центре, а сбоку, ближе к выходу. Лидия хотела видеть руки альтистки. Матвей не возражал, хотя отсюда акустика могла быть хуже. Перед началом он достал телефон, выключил звук и убрал его глубоко в карман. Не положил на колено, не оставил экраном вверх.

Первые минуты Лидия слушала профессионально. Отмечала, где ансамбль расходится, где виолончель слишком настойчиво ведёт за собой, где скрипка берёт звук острее, чем нужно комнате. Потом музыканты вошли в медленную часть, и эти замечания перестали быть главными. Альтистка, женщина с короткими волосами, чуть наклонялась к коллегам, но не искала их взглядов. У неё было спокойное лицо человека, который делает трудную вещь и не обязан сообщать об этом всем вокруг.

Лидия положила ладони на колени. В какой-то момент почувствовала рядом руку Матвея. Он не касался её — просто локти оказались близко на узких стульях. Можно было отодвинуться на сантиметр, и она не отодвинулась. Музыка шла дальше, не требуя, чтобы это небольшое решение стало событием.

После окончания они долго не вставали. Люди выходили, кто-то благодарил музыкантов, у двери собирались деньги в коробку. Матвей посмотрел на Лидию и открыл рот. Она почти услышала начало привычного разбора: во второй части можно было… Он остановился.

— Мне хорошо, — сказал он вместо этого.

Лидия смотрела на пустеющие стулья.

— Мне тоже.

На лестнице он протянул руку. Не помогая спуститься, просто ладонью вверх. Лидия вложила в неё свою. Его пальцы сомкнулись осторожно, без торопливого подтверждения, что всё вернулось. Они вышли на улицу, и несколько шагов шли так, неловко подстраивая длину шага. Когда-то это получалось без внимания. Теперь требовалось заново заметить, что он ходит быстрее.

Дождь начался у перехода. Они спрятались под козырьком закрытого магазина, прижавшись к стене. Лидия достала из сумки маленький зонт; вдвоём под ним можно было идти только очень близко. Матвей спросил, хочет ли она вызвать машину. Она ответила, что дождь скоро кончится, хотя не знала.

Он стоял рядом, глядя на воду, текущую по асфальту. Лидия видела его профиль — складку возле рта, неровность на переносице, чуть отросшие волосы за ухом. Ей хотелось прикоснуться, и от этого желания стало страшно. Оно было простым, не нуждалось в доказательствах, а всё, что могло последовать, было сложным.

— Я скучал, — сказал Матвей.

Она не ответила сразу.

— По чему?

Он повернулся к ней.

— По тебе.

— Я понимаю. Но…

Лидия замолчала. Не хотела требовать правильной формулировки, как экзаменатор, который уже знает ошибочный ответ. Ему было трудно сказать даже это, а она сразу проверяла, достаточно ли точно.

Матвей посмотрел вниз, на их всё ещё соединённые руки.

— По тому, как ты утром читаешь и ничего не слышишь. По твоим волосам на подушке. По тому, что можно было прийти и не объяснять весь день с начала. Не только по роялю, Лида.

У неё защипало глаза. Она отвернулась к улице, потому что не хотела, чтобы он увидел слёзы раньше, чем она сама поймёт, что с ними делать.

— Я тоже скучала, — сказала она. — Очень.

Он не притянул её сразу. Только большим пальцем провёл по её ладони. Лидия сама повернулась и положила свободную руку ему на грудь. Куртка была влажной по краю, под ней чувствовалось тепло. Она подняла лицо, и Матвей поцеловал её — коротко, почти спрашивая. Отступил на несколько сантиметров.

Лидия не отпустила его куртку.

Второй поцелуй был дольше. Она узнала его не как привычку, а как человека, которого всё ещё хотела. В этом не было ни доказательства, что развод был ошибкой, ни обещания забыть последние месяцы. Но на несколько мгновений она перестала держать между ними список причин, по которым нельзя быть близко.

Дождь продолжался. За стеклом закрытого магазина стояли манекены в летней одежде, нелепой для холодного октября. Матвей убрал прядь волос с её щеки и спросил, не замёрзла ли она. Лидия кивнула. Он взял зонт, раскрыл, подождал, пока она встанет рядом.

До гостиницы шли почти молча. Зонт всё время тянуло ветром, и Матвей держал его чуть в её сторону; Лидия один раз поправила его руку, чтобы не мокло его плечо. У входа они остановились. Она не знала, что сказать про вечер, про номера, про завтра. Матвей, кажется, тоже.

— Поужинаем? — спросил он.

— Да. Только я сначала переоденусь.

— Я подожду внизу.

В своём номере Лидия сняла пальто и прислонилась к двери. На губах ещё оставалось ощущение поцелуя. Она была счастлива и боялась этого счастья, но страх не отменял того, что случилось. Достала сухой свитер, расчесала волосы, потом села на кровать и несколько минут позволила себе ничего не решать.

Глава 11. До утра

За ужином они говорили о людях, которых давно не видели. Лидия рассказала, что у Светы сын уехал учиться и теперь звонит только из магазина, когда не знает, какое молоко покупать. Матвей спросил, как сама Света это переносит. Раньше он бы спросил про город и специальность; Лидия заметила перемену и тут же запретила себе делать из одного вопроса большой вывод.

Он рассказывал про мать. Та решила поменять окна на даче, выбрала мастеров сама и сообщила ему об этом, когда деньги уже были переведены. Матвей ездил смотреть, сердился, потом признал, что окна поставили хорошо. Лидия слушала и впервые за вечер не думала о том, что между ними. Просто представляла Веру Николаевну на дачной веранде, где она годами заклеивала щели полосками бумаги, отказываясь от помощи, пока не находила собственный способ всё устроить.

— Она спрашивает про тебя, — сказал Матвей.

— Я ей звонила летом.

— Знаю.

Лидия отложила ложку. Ей не хотелось, чтобы разговор с бывшей свекровью оказался тайной, которую у неё только что раскрыли.

— Она сама сказала?

— Да. Сказала, что ты помогла найти врача её подруге. Я не расспрашивал.

— Я только дала телефон.

Матвей кивнул. Лидия почувствовала, что ждала упрёка там, где его не было. Эти ожидания утомляли не меньше настоящих обид: приходилось всё время решать, что происходит сейчас, а что она принесла с собой.

После ужина они остались за столом, хотя официант уже убрал тарелки. Матвей заказал чай. Лидия не хотела возвращаться в номер, но и сидеть до закрытия из страха перед следующим шагом казалось нелепым. Она смотрела на его руки: знакомый шрам у большого пальца, коротко подстриженные ногти. Когда-то он порезался о разбитую банку, пытаясь собрать осколки раньше, чем она наступит на них. Лидия помнила, как тогда ругалась, что он лезет голыми руками. Не помнила, сказала ли спасибо.

— Я не знаю, как сейчас правильно, — произнесла она.

Матвей поднял глаза.

— Что?

— Мы поцеловались. Я хочу быть с тобой. И мне страшно, что завтра всё станет таким, как будто ничего не было. Ни развода, ни этих месяцев.

Он долго смотрел на чашку.

— Я не хочу делать вид, что ничего не было.

— Ты после первой репетиции сказал, что мы ничего не потеряли.

— Я сказал про музыку.

Лидия молчала. Матвей провёл ладонью по лицу.

— Не только про музыку. Да. Мне хотелось, чтобы это означало больше.

Она почувствовала облегчение от признания, которое не было красивым. Не требовало, чтобы он сразу объяснил всю свою ошибку. Достаточно было перестать защищать точность старой фразы.

— Мне тоже хотелось, — сказала она.

Матвей протянул руку через стол, но не взял её ладонь, оставил свою рядом. Лидия сама положила пальцы на его запястье.

— Я не обещаю, что смогу всё быстро, — сказал он.

— Я тоже.

— И я не знаю, чего ты от меня ждёшь.

На этот вопрос хотелось ответить списком: слышать, спрашивать, не принимать её готовность помочь за отсутствие других желаний. Но сейчас список сделал бы их вечер похожим на переговоры, которые они оба уже умели вести до изнеможения. Лидия посмотрела на его лицо и сказала то, что было нужно именно сегодня:

— Чтобы ты не торопил меня назвать это возвращением.

Матвей кивнул.

— Хорошо.

Они поднялись в лифте вместе до предпоследнего этажа. Дальше к её номеру нужно было идти по лестнице. Матвей придержал дверь лифта, ожидая, что она скажет. Лидия посмотрела на него, потом взяла за руку.

— Пойдём ко мне.

В номере было тесно для двоих. Её раскрытый чемодан занимал подставку, на спинке стула сушился шарф, на столе лежали ноты. Лидия вдруг увидела всё это чужими глазами и начала убирать папку, хотя Матвей не смотрел на беспорядок. Он стоял у двери, не зная, куда положить куртку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.